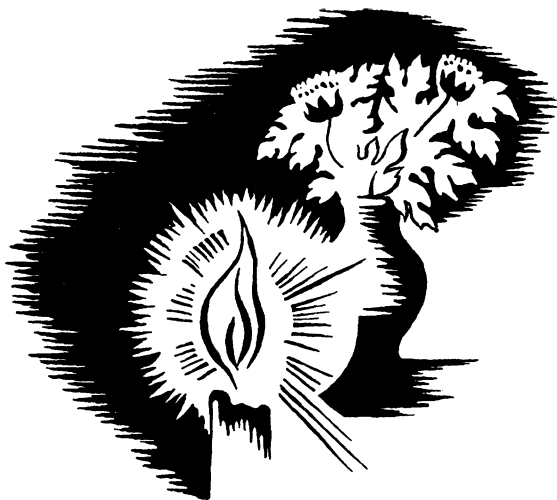

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

ИСПОВЕДЬ

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

ИСПОВЕДЬ

Стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА

1967

Новый сборник стихов Веры Звягинцевой — это страстное признание поэтессы в любви к своей родине, к своему времени. Молодо звучат ее размышления о прожитых годах, о судьбах земли и судьбах искусства, о жизни сверстников, с юным пристрастием отстаивается в стихах гражданская позиция художника. В. Звягинцева обращается и к издавна дорогой для нее теме — теме Армении, к изображению жизни ее тружеников и поэтов.

Обещайте мне, что вечно будет
На земле существовать Россия,
Не спялят ее и не остудят
Никакие бедствия лихие.

Обещайте мне, что люди вечно
Будут помнить Пушкина и Блока,
Что высокий дух и жар сердечный
Не исчезнут в пропасти глубокой.

Обещайте мне, что этот город,
Гордо именуемый Москвою,
Будет — вечно древен, вечно молод —
В летних парках шелестеть листвою.

Обещайте, дайте слово, люди,
Что не станет злобы, лицемерья.
Я прошу вас вовсе не о чуде —
Жить и умирать должны мы веря.

Обещайте мне, что сгинут войны,
Будут мирными поля и реки —
И тогда доверчиво, спокойно
Я смогу закрыть глаза навеки.

Иной укорить стихотворца готов:
Не слишком ли много стихов о любви?! . .
Но не о любви не бывает стихов, —
Рождает она и к отмщению зов,
И мудрость высоких пророческих слов,
И песни, — любую из них назови.

Выходишь и видишь на улице снег.
Кто любит в нем зиму, кто близость весны,
По-разному это бывает у всех,
Движение сердца не знает помех.
Вот жизнь без любви — непростительный грех, —
Тогда никакие стихи не нужны.

Молодость, к несчастью, не проходит:
В том-то и трагедия для нас.

Илья Сельвинский

Друзья мои, товарищи,
Беда не в том, что старишься, —
Беда, что в пору холода,
Как в мае, сердце молодо.
Стучит оно, колотится,
Все ждет, что май воротится.
Мне говорят: чего ты
С природой сводишь счеты?
Живи себе, покуда
Живешь не очень худо:
Тебя все уважают,
Никто не обижает,
Есть радость и в покое.
И всякое такое. . .
Товарищи, друзья мои,
Как раз вот это самое

И есть моя досада —
Покоя мне не надо!
На что мне уваженье,
Когда воображенье
Рисует все иное,
Не сделанное мною.
Не молодым завидую,
Больна другой обидою:
Тужу в бессильной ярости,
Что для души нет старости.
Куда с такою денешься,
Как к возрасту применишься?!

ВМЕСТО МЕМУАРОВ

Мне говорят: пиши воспоминанья.
Но так долга была моя дорога
И было на пути моем так много
Людей, событий, счастья и страданья.

Я Блока видела (что там Бальмонт!),
Я знала Пастернака и Марину.
Заполнили бы книги половину
Солдаты стихотворческого фронта.

Шарф Мейерхольда, будто кумачовый,
Октябрьским флагом развевался в зале,
Степные ветры воздух разрезали,
Когда читал Есенин «Пугачева».

Как описать мне день тот беспечальный,
Когда Фадеев с широтой славянской
Как будто обнимал народ армянский,
Приветствуя на площади вокзальной.

Жизнь повторять дословно не берусь я,
Она в стихах рассеяна повсюду.
Я просто очень благодарна чуду,
Сияющему радостью и грустью,

Я благодарна жизни даже в горе
За изобилие земных свиданий. . .
Я не могу писать воспоминаний —
Ковшом никак не вычерпаешь моря.

• • •

Не я пишу стихи. Они, как повесть,
Пишут меня. . .

Т. Табидзе

Мы ямб употребляем часто
И реже прочие размеры.
Знать, такова уж наша каста, —
Мы, стихотворцы, староверы.
А если вдруг всплывает в ямбы
Звнящая волна хорея —
В том не моя вина, ведь я бы
Писать хотела похитрее.
Но мой удел писать обычно
Лишь в ритме кровообращения,
Ведь я пишу стихи не лично,
А по чьему-то наущенью.
Чье наущенье — я не знаю,
И я на это не в обиде.
Я очень часто вспоминаю:
Так делал Тициан Табидзе,

Вернее, он стихов не делал, —
Они судьбу его писали
В том поединке духа с телом
В дни радости и в дни печали.
Нет, нет, с трагическим поэтом
Я сравнивать себя не смею,
Но просто он сказал об этом,
А я сказать так не умею.
Бранят нередко наши строки:
Мол, все не так, не то мы пишем,
Дают наказы и уроки,
А мы их слышим и не слышим. . .

ОПЯТЬ О ТОМ ЖЕ

Это выдумка иль наваждение,
Я не знаю и знать не хочу,
Только слышу я голос Армении:
Словно кто-то берет кяманчу
И проводит по струнам заржавленным
Старым, старым, как время, смычком
И напевом тревожным и жалобным
Грудь пронзает мне будто клинком.

В Аштараке на каменной лесенке
(С той поры много минуло лет)
Точно так же наигрывал песенки
Убеленный сединами дед.
Было многое: звезды над крышею,
И пылающий мирный очаг,
Были мудрые четверостишия,
Те, что людям оставил Кучак,
Были празднества, речи застольные,
Были годы побед и труда,
Самолеты над ширью привольною,
И в полночных огнях города,
Нагляделась на горы и доли я,
На хребты, где не тает снежок;
В Цахкадзоре мальчишки веселые
В пионерский трубили рожок.
Отчего ж мне доныне мерещатся
Дым пожаров и слезы детей,
У стамбульского берега плещутся
Волны, сока граната красней.
Почему-то при слове «Армения»
Слышу «Крунка»¹ протяжный мотив
И забытые вижу селения
Со стволами обугленных ив.
Было много на свете жестокого:
Смерти, войны, неверия лед.
Что же мне журавля одинокого
Сиротливый давнишний полет?
Ведь бывали обиды и кровные,
Мало ль нам приходилось тужить?!

¹ «Крунк» — журавль — армянская старинная песня.

А чужое так близко мне, словно я
Обязалась ему лишь служить,
Обязалась прощать все обидное —
И неверность и неправоту. . .
Ох, дорога моя незавидная!
Избрала я, как видно, не ту.
Но уже ничего не изменится,
Так до смерти я и проживу
Древних гор очарованной пленницей,
Вечно видящей сны наяву.
Жизнь проводит последнюю бóрозду,
Знать, нужна и такой глубина.
Мне другая любовь не по возрасту, —
Остается лишь эта одна.

РОССИЯ И АРМЕНИЯ

Левону Мкртчяну

Опять стою у старенькой калитки
На маленьком клочке большой земли.
Сюда, как переходные калики,
Меня воспоминанья привели.
Стараюсь в незабытый сад взглядеться,
Пахнуло вдруг вечерней резедой. . .
Но вы не любите стихов о детстве,
Недавний друг мой, слишком молодой.
Черемуховый сад провинциальный
Вам в Закавказье вашем ни к чему,
Да вообще мой бред сентиментальный,
Наверное, не нужен никому.
О детстве долго говорить не буду,
От скрипнувшей калитки отойду,
Забуду эту глупую причуду —
Искать чего-то в снимаемом саду.
Но, знаете, ведь и мое приращенье
К высокогорной вашей стороне

Не рождено ль в час грустного ненастья
Там, в средневожжской русской тишине!
Я так любила небольшие горы
За тихим садом, узенькой рекой,
Что Арагаца снежные уборы
Мне показались близкой красотой.
Колючие травинки на Севане
И голубые блеклые цветы —
Пускай у них нерусское название —
Напомнили мне родины черты.
Моя любовь к Армении похожа
На вечную любовь к своей земле.
Не разберу, которая дороже,
Не гаснет жар в нестынувшей золе.
Равно я добрым жаром сердце грею,
Уж такова загадка бытия:
Не будь Россия родиной моею,
Армению не полюбила б я!

Как постарели мы, друзья, как постарели!
И ваши жизни и моя уж на пределе.
О будущем не говорим, — его так мало,
Беседуя, о том грустим, чего не стало.
И каждый только о своем — другим ненужном,
А ведь как будто бы живем в согласье дружном...
Чужие радости сердец уже не греют.
Не знали мы, что под конец сердца стареют.
Мы думали, что только кровь охладевает, —
А дружба тоже, как любовь, оскудевает.

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

Р. Ованесяну

Лил дождь на постель — потолок протекал,
Но в холоде, в горе бездомном, в болезни
Горели вы верою в полный накал,
Военные песни, военные песни.

Отброшу нарядные книги стихов,
Заслышав простые слова этих песен,
И плачу от чистых напевов и слов,
Чей автор мне даже порой неизвестен

Нет, автор — величье солдатской души,
Когда-то сказавшей России: воскресни!
Хоть сотни изысканных строф напиши —
Я все ж предпочту им военные песни.

В Армении в сорок четвертом зимой
Пел «Темную ночь» возвратившийся с фронта

Разведчик-поэт. Как он пел, боже мой!
Светлела уже полоса горизонта.

И если на сердце бывало темно
И в песнях рыдали обиды и беды,
Нам в самых печальных звучало одно:
Торжественное приближение победы.

Все крепче и крепче незримая нить,
Связавшая живших без фальши и спеси.
До смертного часа мне вас не забыть,
Военные песни, военные песни.

ПРОПАВШАЯ РАДОСТЬ

Один талант судьба мне подарила:
Умение и без счастья быть счастливой,
Сокровища я в землю не зарыла,
Не то что в притче некто нерадивый.

Меня за жизнелюбие любили,
Я даже мало недругов знавала,
Сама я удивлялась этой силе,
Спасавшей и в беде меня, бывало.

Когда пришло безвыходное горе,
Когда весь белый свет затмили тучи —
Отчаянно с отчаянием споря,
Не сорвалась я в пропасть с черной кручи.

Все было: одиночество, разлуки,
Проступки, и обиды, и страданья,
Лишь не было уныния и скуки
И равнодушного существования.

...И вдруг недавно просыпаюсь утром,
Смотрю на облака тонов опала,
На море, брезжащее перламутром...
А где же радость? Нет ее. Пропала.

Как будто бы я обронила что-то
И не найду, куда-то закатилось,
Ищу, ищу — напрасная работа.
Пропала радость. Ну скажи на милость!

Обычный день, и я как будто та же,
Но выцвел мир и краски полиняли.
Ничем не возместить моей пропажи:
Нет радости — не будет и печали.

ПАМЯТИ Б. С. ИРИНИНА

Уходит человек из дома.
Не сам, — в гробу его выносят.
Жестока — ждем или не ждем мы —
Холодная гроза без грома.
И кто с нее ответа спросит?!
Как он любил своих любимых,
Как не хотел он их оставить
В слезах, теперь уже незримых,
В тоске о днях невозвратимых,
В беде, которой не исправить.
Уходит. Двери. Двор. Ворота.
Темны заплаканные лица. . .
Но вот переменилось что-то:
Вдруг промелькнула тень полета —
Летит неведомая птица,
Летит высоко в поднебесье,
Как будто звук жалейки где-то
Среди вечернего полесья,
Звенит негаснущая песня,

Пропетая душой поэта.
Летит с низин до окоема,
И всем, чье сердце жарко бьется,
Она знакома, так знакома. . .
Уходит человек из дома,
А песня в мире остается.

• • •

Что это? Опять суббота?
Время просто обезумело,
Жизнь сбивается со счета,
Потеряв благоразумие.

Ни грустить не успеваешь,
Ни соскучиться по ком-нибудь, —
Только в Риме побываешь —
Вновь сидишь в привычной комнате.

Объясняла я вначале
Старостью все чудеса мои,
Оказалось, замечали
Молодые то же самое.

Хорошо бы научиться,
Сжав кулак, держать мгновение...
Улетает время-птица
В непонятный мрак забвения.

Но внезапно я решаю:
Может быть, все это к лучшему —
Мчится время, приближая
Мир к желанному грядущему.

Когда-то, вместо басен утешенья,
Ни разу не солгавший человек
Сказал: «Удел наш — горе и терпенье». . .
Запомнить бы его слова навек!

А я забыла. . . Радости хотела.
Погоревав, хотя и долгий срок,
Счастливого возжаждала удела,
Напрасным оказался тот урок.

Когда ж потом пришло еще несчастье
И белый свет погаснуть был готов —
Все речи добродушного участия
Не заменили мне тех давних слов.

ДРУГУ-ПЕРЕВОДЧИКУ

Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?

А. Тарновский

Нет, мы не годы продавали —
Кровь по кровинкам отдавали.
А то, что голова болела, —
Подумаешь, большое дело. . .
И худшее бывало часто:
Считались мы презренной кастой,
Как только нас не называли!
Друзья и те нас предавали.
А мы вторую жизнь дарили
Живым и тлеющим в могиле.
Достанет нашего богатства
И на тысячелетья братства.
Ты самого себя не слушай,
Не ты ль вдувал живую душу
В слова, просящие защиты!
Так на себя не клевети ты.

Ты с фонарем в руках шагаешь,
То там, то тут свет зажигаешь,
Как твой же путевой обходчик.

...Вот что такое переводчик.

Льву Озерову

Ни ты, ни я существовать не будем,
А маленькие буквы, может стать,
Расскажут не знакомым с нами людям
О том, что будет близким им казаться:

О горе, нам доставшемся в избытке,
О жажде, нас водившей по дорогам,
Стогах в тумане, скрипнувшей калитке,
Влюбленностях, бессонницах. . . О многом.

Но вряд ли им расскажут буквы эти,
Как мало рассказали мы, как мало
О каждом нашем дне на белом свете,
Как радостно, как страшно нам бывало.

Нетронутые белые страницы
Развеет жизнь промчавшаяся наша,

А слово — только малая частица,
Едва-едва пригубленная чаша.

Да, мы оставим меньше половины
Самих себя. . . Но сетовать не надо:
В одной лишь грозди, сорванной с рябины,
Всей осени и горечь, и услада.

В БУЖИВАЛЕ

Опадают листья в Буживале,
Листья цвета мальвы и малины.
Годы отошли, отбушевали,
И деревья помнят здесь едва ли
Русского седого исполина.

Мимо стен, обвитых виноградом,
Проходил он улицею узкой,
Вероятно, бредил русским садом,
Глядя на чужие грустным взглядом,
Думая о женщине нерусской.

В прошлое смотрю, как в глубь колодца:
Здесь уже давно живут другие,
Голос Виардо не раздается;
Листопад поземкой желтой вьется
На далеком кладбище в России.

Отчего ж зовет меня, тревожа,
Поворот к чужой старинной вилле?
Все совсем как было, все похоже:
Та же улица и небо то же...
Время, что ли, здесь остановили?

ИТОГ

Очень мало для других,
Для себя не очень много...
Вот и кончена дорога
Быстролетных дней моих.
Убедите, ради бога,
В старости моей меня,
В том, что полночь у порога
И зола взамен огня.
Я, конечно, и сама

Ясно вижу, понимаю,
Что не быть наутро мая,
Если на дворе зима,
Но упрямо не снимаю
Платья светлого с души,
Безрассудно расточаю
Дней последние гроши.
Помогите мне, друзья,
Докажите мне жестоко,
Что сверх данного ей срока
Длится молодость моя.
Я без вашего урока
Не поверю никогда
В то, что близкое далеко.
Докажите, и тогда
В наступившей тишине,
Увидав, что у причала
Не начнешь пути сначала, —
Может быть, удастся мне
Сделать, как всю жизнь мечтала,
Дней последних не губя,
Для других не очень мало
И немного для себя.

Будто чайник на слабом огне
Долго, долго все не закипает, —
Состоянье, знакомое мне,
Что всегда по ночам наступает.
Может быть, виноваты года. . .
Впрочем, с ними я мало считаюсь, —
Для других очень немолода,
Для себя — совершенно не старюсь.
Нет, скорей по причинам иным
Не поется мне ночью бессонной:
Правит разум пространством земным,
А душа — ограниченной зоной.
Ведь по разуму — надобно спать,
А не ждать смутных мыслей кипенья. . .
Но хочу я опять и опять
Слышать крови неслышное пенье.
Вдохновеньем назвать не решусь
Это странное очарованье,
Но, боюсь, без него я лишусь
Милой радости существования.

ЯРОСЛАВУ СМЕЛЯКОВУ

Не запомнила — виновата, —
Шел который в ту пору год,
Но звучит в душе неизменно
Чуть враскачку, чуть хрипловато:
«Поезд двинется непременно,
Поезд двинется и пойдет».

Было много потом такого,
От чего был наш день тяжел,
Было разное, ну а все же
По пророчеству Смелякова,
Невзирая на бездорожье,
Поезд двинулся и пошел.

Поезд двинулся, поезд мчится.
Что порой трясет — не беда,
За окном его ширь вселенной.
Мне бы надобно поучиться
Простоте твоей неизменной,
Не теперь, а еще тогда.

Вот я вижу этот высокий,
На глазах побледневший лоб,
Слышу голос сердитый, строгий,
Вспоминая былой, далекий. . .
Ох, не схожи наши дороги
Ни единой травинкой троп.

Разбранишь меня — не обижусь,
Огорчусь на короткий срок.
Ты живешь любим, почитаем,
Я не часто с тобою вижусь. . .
Но всегда ли мы точно знаем,
Кто нам близок, а кто далек?

ПЕР-ЛАШЕЗ

Я стою у Стены коммунаров.
Мне цветы возложить поручили.
Может быть, привилегия старых?
Что же, пусть хоть по этой причине.

Ну могла ль я девчонкой-бунтаркой
Ждать, что здесь, перед этой Стеною,
Солнце ляжет полоской неяркой
На цветы, принесенные мною!

Опустилась бы я на колени,
Да сочтут меня сентиментальной. . .
Вот уже от Стены в отдаленье
Мы идем по дороге печальной.

Солнце дрогнуло, похолодело:
Эти молча кричащие руки,
Эта гневная боль без предела —
Память страшная о Равенсбруке.

Ни вздыхать мы, ни плакать не будем,
Омраченные прошлого тенью,
Лишь напомним забывчивым людям,
Что не все предается забвению.

«Не сотвори себе кумира». . .
Кто-кто, а мы-то знаем это. . .
Но как не позабыть запрета,
Любуясь красотой мира!
Творю кумиров постоянно:
То восхищаюсь человеком,
То поклоняюсь, как ни странно,
Стихам, и городам, и рекам.
Всю жизнь пристрастия и мечтанья
Рассудок мой опережали
И разбивали все скрижали,
Стирая мудрость начертанья.
Что ж, я признаюсь откровенно:
Сама себе я не по нраву,
Вот и люблю самозабвенно
Чужие голоса и славу.
Не схожи барабан и лира,
Различно слов одних значенье.
. . . Не так уж верно изреченье
«Не сотвори себе кумира».

Очень хочется жить. Очень мало осталось.
Как бы перехитрить беспощадную старость?
На скаку, на лету удержать хоть немного
Этих дней быстроту, даже возле порога.
Удлинить бы закат, ну, не втрое, так вдвое,
Тучи снять, что висят над моей головою.
Задержать бы весну (разве осень нам к спеху?) —
Хоть одну, хоть одну отыскать бы помеху!
Не выходит никак — время вихрем несется.
И решила я так: стану жить, как живется,
Но сжимая в горсти дни, часы и мгновенья,
Чтоб мешать им в пути раствориться в забвенье.
Превращу каждый миг в букв и слов начертанья,
Хоть у призрачных книг и не будет издания.
Спрячу в ящик стола отошедшее время.
(Правда, я б предпочла поделиться со всеми!)
По ночам я тайком доставать его буду
Не засохшим цветком, а подобием чуда...
Пусть закон бытия приведу этим в ярость,
Но задумала я обмануть свою старость.

ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ

Щепотка песка из пустыни
В граненом стаканчике старом.
Знать, в комнате стены не даром,
Как небо над Африкой, сини.
И вот что случается в полночь:
Струится песок из посуды,
Плывут красноватые груды,
Чтоб дом наш, раздвинув, наполнить.
С рисунка Поленова сходит
Араб в одеянии белом,
С лицом, на ветру огрубелым,
И медленным шагом проходит
Туда, где у царственной пальмы
Скушает верблюдов одногорбый,
С коленями рваными, скорбный. . .
В какую ж далекую даль мы
Закинуты, воображенья!
Задумчивы и терпеливы
Верблюжьих колючки, оливы,

И скупы ливийцев движенья.
Как будто давно это было:
Наш путь, удивление, жалость,
А воображенье вмешалось
И в полночь мне все повторило.
Частица пустыни Ливийской
На полке в граненом стакане —
И память о нашем скитанье
Вновь явью становится близкой.

Как часто повторяют старики:
— Вот в наше время было все иначе. —
Ровесники мои, вы чудаки,
Ведь время не сродни усталой кляче.

Оно несется вдаль во весь опор,
Не в погребальные впрягаясь дроги,
Оно вступает с днем минувшим в спор,
Расшвыривая камни по дороге.

Что минуло — то минуло навек.
Всегда бывало доброе и злое. . .
Я тоже очень старый человек,
Но не хочу хвалить одно бывшее.

«Вот в наше время. . .» А сегодня чье?
Сегодня, завтра — тоже наше время,
У дней любых обличие свое,
Свои проступки и печалей бремя.

Все вместе — жизнь, и как ее хулить!
Ровесники, я с вами не согласна,
Не надо слез о молодости лить, —
Чужая ведь не менее прекрасна.

ЗРЕНИЕ

Мне близорукость не мешала,
Порою помогала даже:
Стояла часовым, бывало,
У поля зрения на страже.

Плохое видела я плохо,
Оно не часто было рядом,
И то, что недостойно вздоха,
Не провожала долгим взглядом.

Я вижу то, что сердцу ближе,
Глазами слабыми моими,
Морщин товарищей не вижу —
Все кажутся мне молодыми.

Конечно, лучше видеть ясно
Все черточки, все перемены,
Но то, что подлинно прекрасно,
Увидит каждый непременно.

Движение жизни, яркость мысли,
Простую доброту чужую
Да многое — не перечислю —
Всегда отлично разгляжу я.

Нет, на глаза я не в обиде,
Другая у меня досада —
Живешь и чувствуя и видя,
А все не так живешь, как надо.

Мы сопечалимся довольно часто.
Сорадуемся реже. Говорят —
Лишь ангелам чужое любо счастье,
А шар земной отнюдь не райский сад.

Когда б на свете ангелы водились,
Я б им сказала: правильно, друзья,
Сорадуясь, вы, верно, убедились,
Что радость ближних лучше, чем своя:

В ней меньше опасения печали,
Она светла, как на траве роса. . .
И ангелы мне б кротко отвечали,
Немного напрягая голоса:

— Чужая и своя — одно и то же.
Когда все эту истину поймут,
Тогда и будет жизнь на рай похожа.
Но к этому прийти — нелегкий труд.

СПОКОЙСТВИЕ

Советуют порою сердобольно
Сторонники спокойствия души:
Уймись, побушевала — и довольно,
Сиди, прохладой вечера дыши.

Прохладой надышусь в молчанье вечном,
А на земле горит огонь земной.
Всю жизнь я прожила в жару сердечном,
Зачем же под конец мне быть иной!

Конечно, возраст. . . Понимаю, знаю,
Но не могу поверить, хоть убей,
Что с возрастом приходит жизнь иная,
Снаружи — глаже, в глубине — грубей.

Любовные тревоги миновали,
Но мало ли еще других тревог!
И на последнем горном перевале
Всегда вперед стремительный рывок.

Куда? Опять в любовь, хотя в другую, —
Ко всем и ко всему, чем жизнь светла.
Конечно, быть спокойной не могу я,
Когда такое на себя взяла.

Ну как любить людей и жизнь бесстрастно,
Как совместить покой со страстью дня?
Напрасно вы, друзья мои, напрасно
Спокойствием прельщаете меня.

ОНИ ЖИВУТ

Становится пустынной на закате:
Друзей ушедших больше, чем живых.
И вмешиваешься порой некстати
В дела и разговоры молодых.

Я их люблю — веселых и сердитых
Товарищей по цеху жарких строк,
Но в их чертах ищу непозабываемых
Обличий спутников моих дорог.

И память всё меня уводит к милым
Промчавшимся мгновеньям и часам.
Она меня приводит не к могилам, —
К живым улыбкам, слову, голосам.

Не на пластинках голоса их слышим
(Успела слава записать не всех) —
Во всем, что видим, чем сегодня дышим,
Их мысли, их надежды, слезы, смех.

Не их ли бескорыстие порукой
Тому, что не бесследна красота?!
Нет, с ними нас не разлучить разлукой:
Сильней, чем смерть, их жизни правота.

И хоть они не за твою дверью,
А за непроходимым рубежом —
Они живут и будут жить, я верю,
Пока мы их бессмертье бережем.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Забуду ли тот майский давний день,
Когда в аудитории московской
Увидела я профиль, как из воска,
И услышала голос горький, жесткий! . .
Тот день отбросил дымчатую тень
На все судьбою данное потом,
На все грядущие десятилетия,
И не могу ее с души стереть я:
Все мысли, звуки, отзвуки, соцветья
С тех пор напоминают мне о нем.
Какое это было колдовство!
С какой непререкаемою властью
Бросало в дрожь, похожую на счастье,
Трагическое страстное бесстрашие
Замедленного чтения его.
Все кануло: восторги, брань и лесть. . .
Кем был он — бедным рыцарем, пророком?

Нет, он в другом был звании высококом:
Он назывался Александром Блоком.
Зачем я говорю: он был?
Он есть.

МАТРОСЫ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Обросшие, с запавшими глазами,
Матросы восемнадцатого года,
Как дорога мне злая непогода
Тяжелого бессмертного похода,
Когда взвивало ветром ваше знамя!

Чуть запоете вы «За власть Советов» —
Подтягивает вам сама свобода,
А от бушлатов запах моря, йода. . .
Матросы восемнадцатого года,
Я слышу эхо песен, вами спетых.

О, музыки суровой вашей кода!
Из дальних дней в сегодня протяните
Незримые связующие нити,
Шагните к нам из прошлого, шагните,
Матросы восемнадцатого года!

ВООБРАЖЕНИЕ

Драгоценный дар — воображение:
В переулке узеньком, невзглядном
Ручейка апрельского брожение
Озером становится громадным.

Человек вдруг улыбнется ласково.
Кто он? Может, старый друг забытый;
Может, будни обернутся сказкою —
Сядем мы вдвоем за стол накрытый,

Вспомним то, чего совсем и не было:
Счастье, необъятное как воздух. . .
Или вскину вдруг глаза на небо я,
А оно в тунисских близких звездах.

Ночью подойду к окну знакомому,
А за ним не дом шестизэтажный —
Городок уездный с трехоконными
Домиками да сиренью влажной.

Прошрое, конечно, чаще чудится,
Будущее видится труднее,
Все же уверяю вас, что сбудется
И оно, хотя чуть-чуть позднее.

От воображенья явь зависима,
У мечты вся жизнь в распоряжении.
Лишь одно вообразить немыслимо:
Мы умрем.

Ну, а воображение?

ЗИМА И МУЖЕСТВО

Потому что люблю зиму и мужество.

И. Эренбург

Не высоко поднятые плечи,
Не особо пламенные речи,
И не лепет мартовской капли,
Не весну, что многие воспели, —
Нет, люблю я зиму. Оттого ли,
Что шаги ускоришь поневоле,
Если бьет она в лицо пургою,
С малолетства чем-то дорогою,
Оттого ли, что снежок скрипучий
Повторенье пушкинских созвучий. . .
Странно мне самой мое пристрастье,
Вовсе я не обладаю властью
Над упрямым, мужественным словом
И нельзя назвать мой нрав суровым.
Я слабей своих друзей намного,
И не широка моя дорога,

И друзья дивятся: отчего бы
Ей так любы зимние сугробы?!
Ну, а мне обида не в обиду,
И легка моя дорога с виду,
Потому что — пусть порой незримо —
Я люблю и мужество и зиму.

«Полюбить» и «разлюбить» — как непохоже.
А удара одинаковая сила:
То становится чужой других дорожке,
То любимое становится постыло.
Вдруг доверье обернулось недоверьем,
Нет привычного пьянящего полета,
Нет конца утратам горьким и потерям,
И низинами становятся высоты.
А причина той остуды не обида,
Все обиды мы прощаем, если любим,
Огорчимся — не показываем вида,
В трубы громкие о ревности не трубим.
Разлюбила, да и все. . . куда деваться?
Хуже знойной эта белая пустыня.
Так томятся в девятнадцать или двадцать
От любви, как без нее томлюсь я ныне.
Я не знаю, отчего я разлюбила,
Разом вышла из магического круга.
Разлюбила. . . да, видать, не позабыла
Очень долгого блаженного недуга.

Послушай, как это будет,
Когда ничего не будет?
Ни телефон не разбудит,
Ни солнце встать не принудит,
Лишь тьма без конца и краю. . .
Поэты выпустят, знаю,
Стихов певучую стаю,
А я их не прочитаю.
Иль кто-нибудь, прошлым занят,
Из шкафа стихи достанет,
Мои вдруг добром помянет. . .
А мне-то светлей не станет.
Да что там себя утрата!
Не станет друга и брата,
Ни музыки, ни заката,
Ни снежных глав Арарата.
Твердим с упорством горячим,
Что мир мы переиначим,
Страх собственной смерти прячем
И лишь над чужою плачем.

А надо ль бояться слова,
Раз нет в нем умысла злого.
Жестоко оно, сурово
И все же помнится снова.
Я к теме смерти пристрастна
Не потому, что несчастна,
Но можно ли безучастно
Ждать ночи глухой, безгласной?!
Послушай, мой друг, спасенье
От страха исчезновенья
В одном лишь — в самозабвенье.
Не трать на себя мгновенья.
Пусть каждый так и рассудит:
О небытии забудет.
Ведь если меня не будет —
Все то, что люблю я, — будет!

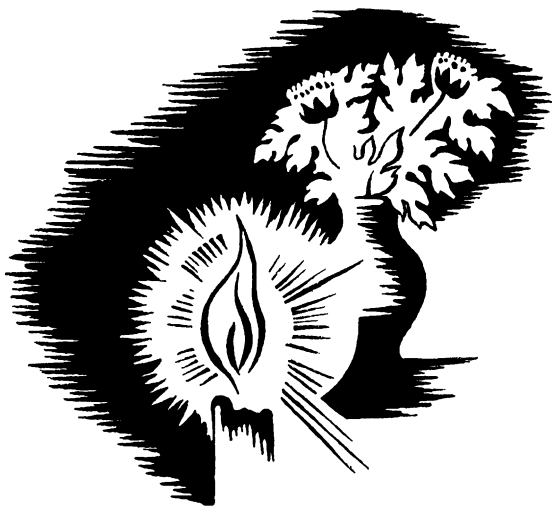

Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Б. Пастернак

Еретиком охотно б стала:
Чуждаюсь ложной красоты,
И в слове правды все мне мало
Неоспоримой простоты.
Ищу теперь среди поэтов
Тех, кто не любит пышных слов,
И назиданий, и советов,
И рифм изысканных, и строф.
Хотелось бы мне их прославить,
Да слава уж венчала их, —
Тут ни прибавить, ни убавить,
Как сказано одним из них.
В простых речах о самом главном,
На чистом русском языке,
Расскажешь и о зле недавнем,
И о ненужном холодке,
И об истории России,
И о святом ее труде.

Как любы нам стихи такие,
Как всем нужны всегда, везде.
Впадайте же в такую ересь —
В неслыханную простоту!
Я с вами силою не мерюсь,
Но вашу благодарно чту.

• • •

Е. А. Новиновой

Много всего, ох, как много всего
Мы на веку своем испытали:
Горькое горе, любви колдовство...
Молоды были, старыми стали.
Мы не забудем до смерти того,
Кто, как пророческие скрижали,
Отдал нам труд пути своего.
Помнишь, как мы его провожали,

Помнишь его запрокинутый лоб,
Воздух, благоухавший сиренью,
Над головами плывущий гроб —
Точно последнее стихотворенье?!
Лес позади. Верно, множество троп
Там исходил он в уединенье.
Кажется, даже всемирный потоп
Не потушил бы его горенья.
Малую прелесть с большой красотой
Перемежал он в жизни любовно,
Мудрость с ребяческой простотой,
Только не с выгодой хладнокровной,
Только не с фальшью и суетой.
В жизни нелегкой своей, неровной
Он не кичился своей высотой,
Связью с великими крепкой, кровной,
— Что же, терпение — наш удел, —
Так он сказал, меня утешая,
Он мне в несчастье помочь захотел,
Успокоение обещая.
И не сочтешь, сколько добрых дел
Сделал он людям, их возвышая.
Дивных созвучий был точен прицел,
Вечно тревожной душа большая.
. . . Как же не сделали мы ничего,
Не отвели беду от него?

Читаешь книгу, словно и большую.
И вдруг глядишь — осталось пять страниц,
Потом четыре, три. . . Нет, не спешу я
Узнать судьбу описанных в ней лиц.
Откладываю книгу я в сторонку,
Немного б самовольно помечтать,
Встать и уйти. Но закричат вдогонку:
Вернись, должна ты книгу дочитать.
Читаю вдвое медленнее строчки,
Почти пою. Ох, сердце, глупый льстец!
Ведь все равно не может быть отсрочки.
Две-три страницы. Точка. И — конец. . .
А если не читать абзац последний,
Вновь повторить страниц хотя бы пять?!
Я так и делаю. Пусть это бредни —
Я возвращаюсь к старому опять:
Дорога та же, то же море, камни,
Лишь новое веселье — не мое.
Быть может, жизнь и лучшее б дала мне,

А я беру любимое старье.
Пожалуйста, друзья, не возмущайтесь,
Уж видно создал так меня творец.
Переменить мой нрав и не пытайтесь.
Все перечту, потом прочту конец.

Красоты мы навидались вдоволь,
Но не меньше горя и беды.
До сих пор еще земля по-вдовьи
Оттирает слез былых следы.

Но стучится, бьется в сердце радость
Даже в пору самых трудных дней.
Видно, горечь не сильнее, чем сладость,
Вера недоверия сильнее.

Верую не в бога — в человека,
Пусть бывает слаб он и неправ,
Верую в святую правду века, —
Двигается он, жизнью смерть поправ.

Много мы тужили, горевали,
Потеряли стольких дорогих. . .
Но и на последнем перевале
Мы стоим как будто среди них.

Неудачи, жалобы, болезни —
Бедная беспомощная плоть.
Дух высокий — родина и песни,
Этого ничем не побороть.

Только одиночество и страшно,
А на людях век бы жить да жить.
У меня один закон всегдашний:
Каждым добрым словом дорожить.

ТОВАРИЩЕСТВО

Янову Хелемскому

Товарищество — лучшее из слов,
Мне издавна оно всех драгоценней.
Оно гремело, словно трубный зов,
Когда мы жили бурей весенней.

Теперь привычной говорить «друзья»,
Оно похоже, да и непохоже. . .
Скажите мне «товарищ» — тотчас я
Почувствую себя смелей и строже.

Люблю я слово «друг», а все не то,
Бывает дружба часто зыбкой, ломкой, —
Товарищей не разлучит ничто,
Не нужно им застолья, песни громкой.

Живешь, и дружбу, и любовь любя,
А все послушна прежнему закону.
Как хочется порою мне тебя
Товарищем назвать по телефону.

К первым годам революции
Память уносит меня,
Словно хотела б вернуться я
В утро далекого дня.

Дань революции малую
Вся моя жизнь принесла,
Все-таки счастье узнала я
В том, что с ней сердцем была.

Ведь и в моем поколении
(Незачем это скрывать)
Жили усмешкой глумления
Юноши, старцам под стать.

Тот же, кто в пору суровую,
В трудностях и нищете
Верил в грядущее новое, —
К подлинной шел красоте.

Песни революционные,
Слышу я в сердце ваш ритм,
Юность моя отдаленная
В каждом их звуке горит.

К первым годам революции,
Словно бы к первой любви,
Не перестану тянуться я,
Как эту страсть ни зови.

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД

Все он мне видится в ложе налево
Гордой, нахохленной пепельной птицею.
Слышатся взрывы то смеха, то гнева:
В зале холодном идет репетиция.
Вечером — сцена с конструкцией странной
И неожиданное появление
С вестью победной бойца-партизана —
Бурно врывается жизнь в представление.
Время бушует гражданской войною.
«Зори» Верхарна и зори советские
Не разделяли высокой стеною
Наши сердца еще полудетские.
Не изрекайте заученных истин
Вы, не выдавшие жаркого пламени.
Как был неистов он, как бескорыстен, —
Тот, кто был предан Октябрьскому знамени!
Да, не успел он поставить Шекспира, —
Время иную драму поставило
И театральных боев командира
Главную роль в ней исполнить заставило.

Годы проходят, а память живуча —
Самую светлой порою весеннюю
Вдруг наплывает, как черная туча,
В клетке нахохленной птицы видение.

Сказали мне когда-то: никому
Ни до кого нет и не будет дела.
Смеялась я. Не верила тому,
Чему никак поверить не хотела.
Идут десятилетия. Порой
Бывают и обиды, и потери.
Я прохожу сквозь их печальный строй,
Участливому слову друга веря.
Да, холодно бывает на земле,
Привыкнуть невозможно к равнодушию,
Но светит искра уголька в золе,
Я веру в чистый пламень не нарушу,
На свете переменам нет числа,
В небытии о них мы знать не будем,
Но будет жизнь темна или светла,
А до людей все будет дело людям!

Не надо писать о боли.
О боли надо молчать.
Когда ж она поневоле
На слово ставит печать —
Сотри налет этот ржавый,
Забудь про горе свое,
Живи страны своей славой,
Гордись величием ее.
Ни беды твои, ни хвори
Не будут тогда страшны, —
Рассмотришь ли каплю в море,
В кипенье его волны!
Подумать только: полвека
Стране твоей и моей.
Пора душе человека
Мудрее быть и смелей.

Сядем в круг.

Нам всем по многу скорбных,
Всем по малу беспечальных дней,
Посидим без рассуждений спорных,
Станем поспокойней, подружней.
Пусть припомнит каждый, что захочет:
Кто звенигородские луга,
Кто тепло стеклянной крымской ночи. . .
Я — речонки мелкой берега.
У кого от детства — повилика,
У кого — с рассветом по грибы,
В каждом жив тот ребяенок дикий,
Что не ведал выпавшей судьбы.
А судьба-то вышла не похожей
Ни на что из книжек или снов.
Как змея, земля меняет кожу —
Труден ей всегда иной покров.
Всюду бури, дрожь землетрясений:

Это землю старую знобит
Или у нее сердцебиенье
От жестоких постоянных битв?
Ходят перемены ряби в водах,
Сильный ветер дует на пути,
Только нам средь вешних бурных всходов
Повилики детства не найти.
Сядем в круг.

Нам всем по многу скорбных,
Всем по малу беспечальных дней,
Посидим без рассуждений спорных,
Станем поспокойней, подружней.

В КРЫМУ

Великолепным бескорыстьем
Ты дышишь, крымская земля!
Серебряной изнанкой листьев
Трепещущие тополя,
Сквозь легкий шелест — плеск прибоя,
Полупрохлада, полузной.
Зеленое и голубое
Вокруг меня и надо мной.
Забыть, забыть о разном вздоре,
Дышать — и больше ничего!
Я, как в монастыре, в затворе
Уединенья моего.
Еще один кусочек лета
Мне подарила жизнь моя.
Так не кори меня за это,
Скупое счастье бытия!

На все на свете не хватит сердца,
Едва хватает на то, что любишь,
На что летящие годы губишь,
Хоть годы кратки немилосердно.
Но если встреча приносит счастье,
Конечно, хочешь и новой встречи,
Тут не помогут рассудка речи, —
Неутолимы души пристрастья.
Друзья смеются: не надоело —
За летом лето одно и то же?!
Не надоело. Еще дороже.
Ведь у любви нашей нет предела...
А разве жить нам надоедает,
Надоедает сердца биенье?
Кому же хватит дней восхищенья?
Мне не хватает, мне не хватает.
О чем твержу я так исступленно?
О милом Крыме, о Ереване...
Предупреждаю я вас заране:
Так и умру в две земли влюбленной.

Я не люблю иронии твоей. . .

Некрасов

Ни твоей, ни своей, ничьей —
Никакой не хочу иронии.
Прятать боль под броней речей?!
Не нуждаюсь в их обороне я.

Если боль — так пускай болит,
Если радость — пусть греет, радуя.
Не к лицу нам, боясь обид,
Жар души заменять прохладою.

Снег идет — он и бел как снег,
Небо синее — значит, синее.
Если смех — так не полусмех
И никак уж не над святынею.

Я хочу прямой красоты,
Не лукавого обольщения.

Я хочу, чтоб заплакал ты
От восторга, от восхищения.

Как ни смейся, как ни язви —
Это дело для всех стороннее.
Людям нужен лишь свет любви,
А не злой холодок иронии.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Наплывает свет вечерний,
Напоследок золотой.
Скоро — в серебре и черни —
Ночь обступит немотой.

Я не знаю, мне ли, всем ли
Этот час других милей.
Вечер заливает землю
Добротой косых лучей.

Разобраться не берусь я,
Вечер это или день,
Знаю только, что не грустью,
Не обидой встречу тень,

Тень — бывшего отпечаток,
Что лежит у ног, темна. . .
Невелик пути остаток,
Тень прошедшего длинна.

Золота чуть-чуть осталось,
Но горит оно огнем.
Не берет меня усталость —
Обернулся вечер днем.

Видеть адом жизнь иль раем
Нет запрета никому,
Путь недолог, мир бескраен,
Вот и вижу свет — не тьму.

Ты не снись мне. Не могу я
Даже в темных дебрях сна
Вспоминать про жизнь другую,
Раз мне эта суждена.

Я давно уж научилась
Обходиться без любви,
И меня ты, сделай милость,
В снах любимой не зови.

Все прошло. Как не бывало
Полудетской теплоты.
На земле похолодало,
Рук моих не греешь ты.

Счастья моего желая,
Веря жизни, не судьбе, —
Завещал ты, чтоб жила я
Без тебя, как при тебе.

Вот я и живу. Не плачу.
Часто очень весела.
От людей сиротство прячу —
У людей свои дела.

Так не снись мне постоянно,
После радостного сна
Вспоминать одной так странно,
Что была я не одна.

О МАЯКОВСКОМ

У памятника Маяковскому
Стоит мальчишка долговязый.
Что нужно школьнику московскому
И чем он с этой бронзой связан?

Наверное, ему мерещатся
Насмешки, грозные призывы,
Моря ладоней бурно плещутся,
То смех, то возмущенья взрывы. . .

Наверное, мальчишке хочется
Стать самому таким же точно,
Неведомое имя-отчество
Впаять в сознание мира прочно.

И он придумывает хлесткие,
Бичующие, злые строчки,
Хоть и не очень маяковские,
Зато без всякой проволоочки.

...А знал бы бредящий трибуною,
Как добр был гений обличений,
Когда одну актрису юную
Учил читать стихи на сцене.

Шла репетиция «Мистерии»,
И автор, вслед за режиссером,
Работал методом доверия
К зеленым, молодым актерам.

Как просто, вовсе без презрения,
Без охлаждающего запрета,
Просил он делать ударения
На «это» и «Генисарета».

А у актрисы, бедной опытом,
Сильнее «звон» и «он» звучало.
Тогда он мягким полупотом
Ей то же повторял сначала.

Актриса та давно состарилась,
Но, знаю, будет верить вечно,
Что гений может разговаривать
Не очень громко
и сердечно.

ТИШИНА

Тишина не отсутствие, не пустота.
Тишина — средоточие существования.
Дом затих. Двор затих. На ночь дверь заперта.
Начинается то, чему нет и названья.

Все, что жило, — живет, все, что пело, — поет.
Проступает забытое ясно и четко.
Слышен шара земного бесшумный полет,
Замедляется быстрого века походка.

Выпадает любимая книга из рук,
И душою читается книга другая:
Книга вечных надежд в мире вечных разлук;
Слезы вдруг закипают, глаза обжигая. . .

Что за странная вещь полнота тишины.
Не затем ли все это придумано мудро,
Чтобы ночью отчетливо были видны
Все черты многотрудного шумного утра?!

ЗЕРКАЛО

Взглянет в зеркало мальчик с утра —
Он такой же, каким был вчера.
Взглянет завтра и через неделю —
Никакого различия нет,
Точно те же черты, тот же цвет.
День за днем наши годы летели,
Каждый день на себя мы глядели —
Никакого различия нет.
Так откуда же это взялось:
Эти борозды, иней волос,
Все как есть совершенно другое!
Как же мы проглядели такое?
Каждый день люди смотрят в стекло,
Что же зеркало не помогло
Уловить роковые мгновенья
Обязательного измененья!
День за днем набираются годы,
Незаметен лишь миг перехода.
Все как будто различия нет,
А глядишь — ты морщинист и сед.

ПОД УКЛОН

Под уклон пошло, под уклон.
Я такая же, да не та:
Не берут уж меня в полон
Ни сверканье люстр и колонн,
Ни нахлынувших чувств циклон,
Ни веселье, ни суета.

Я, конечно, еще могу
В самолет рано утром сесть,
Чтоб взглянуть на Масис в снегу,
Постоять часок над Зангу
И, как смолоду, на бегу
Суток пять прожить или шесть.

Я могу просидеть весь день
В трудном цехе — за сваркой строк,
Забывая усталость, лень.
Но скользнет похвала, как тень,
И упреком мой труд задень —
Не обидит меня упрек.

Под уклон, под уклон пошло.
Тишина мне милей всего
Да заветное ремесло.
Если спросит кто: тяжело,
Что все минуло, все прошло?
Отвечаю: нет, ничего. . .

Невесомо лечу стремглав,
Точно камень с крутой горы.
Усмирился горячий нрав.
Кто жалеет меня — неправ:
Я держусь лишь за стебли трав,
Но еще держусь до поры.

Пусть бренчит на деревьях медь,
Осыпается желтый клен. . .
Нужно только одно: уметь
Крикнуть вовремя «боль, не смей!»
И лететь себе и лететь,
Ну хотя бы и под уклон.

Смолоду, не разбирая,
Мы хватаем что попало:
Грозы, ливни, ночи мая,
Дышим, пьем — все мало, мало!

Часто путаем вначале,
Где безделка, где несчастье,
Что касается печали —
Все питаем к ней пристрастье.

Перемены, мысли, встречи —
Словно собиранье марок...
Повесть жизни, не переча,
Пишем наспех, без помарок.

Собираем, собираем
Песни, радости, причуды;
Не гонясь за скучным раем,
Презираем пересуды.

А потом приходит время:
Срок расплаты, срок отдачи,
С драгоценностями всеми
Расстаемся, их не пряча.

И тогда бывает ясно —
Из всего, что мы собрали,
Вправду что-нибудь прекрасно
Или жизнь мы проиграли.

Я пишу, как дышу.
По-другому писать не умею.
Поделиться спешу
То восторгом, то болью своею.

Я навряд ли права,
Исповедуясь так перед всеми.
Не нужней ли слова
О делах, обгоняющих время!

Что я все о своем?
Я живу в этом мире огромном
Не одна, не вдвоем,
В уголке не скрываюсь укромном.

Не такая пора,
Чтобы жить лишь своею душою,
Нужно кончик пера
Окунуть в море жизни большое.

Ну а все же, друзья,
Может быть, этот грех мне простится:
Ведь, по правде, и я
Тоже этого века частица.

Я, конечно, грешу —
Что судьба одного человека!
Я пишу, как дышу.
... Но дышу-то я воздухом века.

СОДЕРЖАНИЕ

«Обещайте мне, что вечно будет...»	3
«Иной укорить стихотворца готов...»	5
«Друзья мои, товарищи...»	6
Вместо мемуаров	8
«Мы ямб употребляем часто...»	10
Опять о том же	12
Россия и Армения	15
«Как постарели мы, друзья...»	17
Военные песни	18
Пропавшая радость	20
Памяти Б. С. Иринына	22
«Что это? Опять суббота?...»	24
«Когда-то, вместо басен утешенья...»	26
Другу-переводчику	27
«Ни ты, ни я существовать не будем...»	29
В Буживале	31
Итог	33
«Будто чайник на слабом огне...»	35
Ярославу Смелякову	36
Пер-Лашез	38
«Не сотвори себе кумира...»	40
«Очень хочется жить...»	41
Ливийская пустыня	42
«Как часто повторяют старики...»	44
Зрение	46
«Мы сопечалимся довольно часто...»	48
Спокойствие	49
Они живут	51

Александр Блок	53
Матросы восемнадцатого года	55
Воображение	56
Зима и мужество	58
«Полюбить» и «разлюбить»...»	60
«Послушай, как это будет...»	61
«Еретиком охотно б стала...»	63
«Много всего...»	65
«Читаешь книгу, словно и большую...»	67
«Красоты мы навидались вдоволь...»	69
Товарищество	71
«К первым годам революции...»	72
Всеволод Мейерхольд	74
«Сказали мне когда-то...»	76
«Не надо писать о боли...»	77
«Сядем в круг...»	78
В Крыму	80
«На все на свете не хватит сердца...»	81
«Ни твоей, ни своей...»	82
Вечерний свет	84
«Ты не снись мне...»	86
О Маяковском	88
Тишина	90
Зеркало	91
Под уклон	92
«Смолоду, не разбирая...»	94
«Я пишу, как дышу...»	96

Звягинцева Вера Клавдиевна

ИСПОВЕДЬ

М. «Советский писатель», 1967 г.,
100 стр. Резерв плана вып. 1967 г.

Редактор В. С. Фогельсон
Художник А. С. Шервинская
Худож. редактор

Н. С. Лаврентьев
Техн. редактор М. А. Ульянова
Корректор Л. К. Фарисеева

Сдано в набор 11/IX 1967 г. Подписано
в печать 23/X 1967 г. А 12941. Бумага
70×108^{1/2}. № 1. Печ. л. 3^{1/8} (4,37).
Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1407. Цена 21 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер.,
10. Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР
Красная ул., 1/3

21 коп.

